

Зиглинг

ЮЛИУС ЭВОЛА: БЛАГОРОДНЫЙ ДУХ (1942)

Юлиус Эвола (1898-1974) считается самым значительным антимодернистским мыслителем и теоретиком традиции. Он происходил из сицилийско-норманнского дворянского рода и как артиллерийский офицер принимал участие в Первой мировой войне. Во время войны он писал для футуристического журнала *Noi*. Эвола также пробовал свои силы как художник и начал с живописи как футурист в 1915 году (первая выставка его произведений прошла в 1918 году в Палаццо Кова в Милане). После войны Эвола в 1920 году вернулся в Рим и помимо живописи (искусствоведческий труд *Arte astratta, posizione teoretica*, 1920 год) до середины 1920-х годов усиленно посвящал себя изучению эзотерики и философии и писал многочисленные статьи.

Позже он руководил журналами *UR* (за которым стояла оккультная группа) и *Torre*. С 1925 года он публикуется в Италии как писатель. Его произведение 1928 года *Imperialismo pagano* («Языческий империализм», немецкий перевод вышел в Лейпциге в 1933) впервые привлекло большое внимание к нему за пределами Италии, особенно когда он отошел от избираемых им до того момента эзотерическо-философских тем и занял более четкие политические позиции, подвергая модерн резкой критике. Возвращение к культурно-аналитически описанной Эволой традиции с ее дохристианскими мифами и жизненными законами поднялось там до уровня политических требований. В 1934 году Эвола опубликовал свое ключевое произведение *Rivolta contro il mondo moderno* («Восстание против современного мира»), в котором он расширил свой культурный анализ и предложил общий обзор традиций всех индогерманских культур («Мир традиции»). Эвола с культурно-критической точки зрения описывал модерн как «век волка из нордического мира», который противостоит потерянному миру традиции.

«Аристократический пессимизм» (Ален де Бенуа), который обращался к читателю из его главного произведения, принес Эволе не только друзей. Многие руководители бесспорно господствующего с 1927 года в Италии фашизма критикуют его элитарную позицию. Наряду с дальнейшими эзотерическими исследованиями о йоге и буддизме, Эвола публикует в 1937 году труд *Il mistero del Graal* («Мистерия Грааля»), посвященный рассмотрению идеи Грааля как дохристианского традиционного источника права. В 1945 году Эвола находился в Вене и был там тяжело ранен во время бомбардировки. Он вернулся в Италию в 1948 году и продолжал писать вопреки многочисленным проявлениям враждебности. Его поздний труд *Cavalcare la tigre* («Оседлать тигра», 1961) можно рассматривать как продолжение «Восстания», однако в нем рассматривается «выживание» традиционалиста в мире модерна. Оно неоднократно получало положительные оценки со стороны итальянских правых, так как в нем выражена живая антимодернистская позиция. Эвола умер 11 июня 1974 года в Риме. Его пепел был принесен друзьями, которые следовали его последнему желанию, на гору Монте-Роза высотой 4634 м в Альпах в кантоне Валлис и опущен в расщелину глетчера. **[Более подробное введение можно прочесть в: Ален де Бенуа. Взгляд справа. Том 2. Тюбинген 1984. стр. 343-354.]**

Юлиус Эвола: Основы ордена: Благородный дух (1942)

[Орден: от латинского *Ordo* (состояние, конституция, структура, правильная последовательность и порядок) – это одно из центральных понятий в идейном мире Эволы. Он обозначает этим словом форму организации мужских союзов, относящуюся к древнейшему культурному наследию индогерманского мира. Примером таковых можно назвать кшатриев, организованных в касту воинов индоарийской культуры. Как поздние формы можно назвать светские и «духовные» рыцарские ордена западноевропейского средневековья как Орден тамплиеров (рыцари-храмовники, основан в 1120) и Немецкий орден (тевтонские рыцари, основан в 1198). В эпоху заката средневековья в ходе обороны от турок в Румынии был основан Орден Дракона (1408), а в Великом герцогстве Бургундия Орден Золотого руна (1430), который осознанно опирался на древнегреческий героический миф об аргонавтах. В мифологии: Марут, сообщество молодых мужчин индоарийского бога войны Индры. Германское боевое и культовое содружество *Asgardsrei* или *Einherjer* тоже относится к этой традиции (Один-Вотан как бог союзов взрослых мужчин). Об остатках этих традиций в народной культуре см. у Отто Хёфлера: Культурные тайные союзы германцев. Т. I, Франкфурт 1934.]

Император Фридрих II. Миниатюра того времени на пергаменте (1230), сокровище собора в Салерно.

Так как Благородный дух предшествует всем своим проявлениям и поднимается над ними, вопрос любой конкретной аристократической структуры предполагает углубленное знание сущности этого духа. Нужно отдавать себе отчет, во всяком случае, что при восстановлении речь не идет только о чисто политическом, более или менее связанном с административными и законодательными структурами государства классе. Речь здесь идет, прежде всего, о привязанном к определенным слоям престиже и примере, которые должны создавать атмосферу, выкристаллизовывать более высокий стиль жизни, пробуждать особенные формы ощущения и тем самым задавать тон для новой общности. Поэтому можно было думать о чем-то вроде ордена, в мужском и аскетическом смысле, присущему этому выражению в гибеллинской средневековой культуре. **[Гибеллины – это**

ключевое понятие европейского средневековья. Понятие гибеллинов появляется к началу тринадцатого века в имперской Италии. Оно происходит от родового замка салической династии Вайблинген, и было в итальянском языке переделано в боевой клич «ghibellino». Его использовали, чтобы узнавать сторонников партии гогенштауфенской династии. Подоплекой была борьба за власть в империи, в которой гогенштауфенская партия выступала против имперской оппозиции (вельфы, итализированно «Guelfen») и против антигогенштауфенского папства. Позже смысл слова был расширен и отделился от наименования фракции в споре за императорский трон, так что под словом «гибеллины» ясно и отчетливо понималась *pars imperatoris* (партия императорской династии) в противоположность партии Папы. Понятие это было в первой половине тринадцатого века при императоре Фридрихе II (1194-1250) включено в политическую лексику в имперской Италии, а во времена модерна использовалось сторонниками традиционно укорененной императорской идеи.]

Но еще лучше можно было бы вспомнить о древнеарийской и индоарийской общности [Эвола ссылается на представляющую ему образцом культуру древнеарийской или индоарийской Индии. В 1500 году до н.э. индогерманские племена (арийцы) захватили субконтинент и подчинили его коренное население (дравидов). От первых исходят языки ведийский и санскрит. Помимо военных, прежде всего культурные достижения индоарийской культуры являются ценными точками соприкосновения, так, например, конституция Вед, фило-софски-мифологические тексты, которые еще сегодня представляют собой основы индуизма.], где, как известно, элита никоим образом не была организована материально, где она не выводила свой авторитет из представительства какой-либо осязаемой силы или абстрактного принципа, а сохраняла свое положение благодаря непосредственно излучаемому ее эссенцией (основной сущностью) влиянию, и задавала тон соответствующей культуре. Современный мир знает много имитаций элитизма, от которых нужно дистанцироваться. Благородный дух в самой его сущности антиинтеллектуалистичен. Его также не нужно путать с неопределенной авторитарной или диктаторской идеей. Сегодня уже одно то обстоятельство, что можно говорить о «диктатуре пролетариата», показывает нам необходимость более точного определения понятия диктатуры и идей авторитарности. Впрочем, уже были попытки осветить феномен элитизма – т.е. правящего меньшинства – как исторической судьбы. Вильфредо Парето [1848-1923; Итальянский экономист и социолог работал над темами «критики идеологии» и «циркуляции элит». Он считается одним из самых значительных социологов. С 1891 года был профессором Лозаннского университета. Согласно Парето, история это «кладбище аристократий». Он описывал революционные и эволюционные системные изменения из социологической перспективы. При этом он исходил из того, что при такой смене одну элиту меняет резервная

элита, а масса, тем не менее, не получает такой возможности.] говорил относительно этого о «циркуляции элит», которые сменяют друг друга, поднимаясь попеременно к власти с помощью более или менее аналогичных приемов правления, и пользуются различными идеями, которые в этой связи являются, впрочем, не столько настоящими идеями, сколько внушениями, или целенаправленно подготовленными центрами кристаллизации иррациональных внушающих сил. Элитизм появляется здесь как чисто формальное понятие: определенный слой является элитой только в той мере, когда она захватила власть и ей удается исполнять определенное внушение, в то время как согласно нормальной точке зрения это должно было случаться только тогда, когда элита является группой избранных (слово «элита» происходит от латинского слова *eligo* – выбирать), которым присущи превосходство, престиж и авторитет, неотъемлемые от определенных неизменных принципов, определенного образа жизни и определенной эссенции. Поэтому настоящий Благородный дух не имеет ничего общего с манерами правления на макиавеллистической **[Николо Макиавелли (1469-1527) может рассматриваться как основатель политологии. В своей книге *Il Principe* («Князь», в русском переводе обычно называется «Государь»), написанной в 1513 и напечатанной посмертно в 1532 году, он представил своеобразный учебник для князя или местного правителя, учитывающий политические условия территориально расколотов Италии. Советы Макиавелли для князей без пафоса разъясняют направленные на достижение наибольшей политической пользы действия. Князь при исполнении своих властных функций должен оставить идеалы позади и полностью посвятить себя получению и сохранению власти.]** или демагогической основе, как случалось при античных народных тираниях и в трибунале плебса **[краткая форма для плебеев, членов римской народной массы]**. Он также не может основываться только на учении о «сверхчеловеке», если в этой связи думать только о дико выросшем лидерстве, т.е. о власти, которая основана лишь на чисто индивидуальных и природных талантах применяющих насилие и внушающих страх фигур. В его самой глубокой сущности настоящий дух, напротив, является «олимпийским». **[Изначальное значение слова «олимпийский» исходит от древнегреческого мифа и его космогонии. В его основе лежала древнейшая борьба между олимпийскими богами (Зевс, Арес, Аполлон) и титанами, их могущественными противниками, которая закончилась поражением «титанических чистых сил» и господством олимпийцев, создателей. Поэтому олимпийские игры греческой античности были посвящены как составные части культа богам Зевсу и Аполлона, которым в Олимпии посвящались алтари. Под олимпийским Эвола подразумевает: в духе первоначального, т.е. борясь и побеждая ради высшей идеи. «Олимпийский» является также синонимом героического и творческого. Ср. Юлиус Эвола: Основы фашистского расового учения, Берлин 1943. стр. 167 и 169.]**

Воспоминание об античности: Скульптурная группа, Рим.

- мы говорили, что для нас он возрастает из уже метафизического порядка. Основа благородного типа, прежде всего, духовная. Однако, содержание духовного, как мы уже указывали, имеет мало общего с современным пониманием этого слова: оно связывается с врожденным чувством суверенитета, презрением к банальному, пошлomu, приобретенному, к вещам, происходящим из ловкости, хитрости, учености и даже гениальности, презрением, которое приближается в какой-то мере к презрению аскета, отличается, тем не менее, от него полным отсутствием пафоса и враждебности. Можно было охватить сущность настоящей благородной природы в этой форме: превосходство по отношению к жизни, которое стало природой, расой. **[Понимание расы Эволю основано не столько на биологии, сколько на складе характера. Знарок Эволю Мартин Шварц объяснял термин «раса» в идейном мире Эволю как «близость к истоку». Эта близость в первую очередь обусловлена душой и характером и только тогда находит свое выражение в физическом. Ср. Мартин Шварц: Биографически-библиографические предварительные замечания, в: Юлиус Эволю: Традиция и господство. Статьи 1932-1952. Ашау, 2003. стр. 10.]** Тем не менее, это превос-

ходство, которое наверняка содержит в себе аскетическое, не создает разлада в благородном типе: как вторая природа она превосходит и спокойным способом проникает в низкую человеческую часть и воплощает себя во властную честь, силу, линию, переходит в спокойную и полную самообладания манеру души, слов и жестов. Так она создает человеческий тип, неприкосновенная и полная спокойствия внутренняя власть которого находится в самой резкой противоположности к природе титанического, прометейского и теллурического типа. [Эти понятия происходят из учения Эволы о расах как о «расах духа». Эвола учитывает «смещения народов в средиземноморском регионе» и констатирует наличие среди итальянцев, в частности, «пеласгийско-средиземноморских» и «африканско-средиземноморских» примесей («Основы», стр. 31 и дальше), так же, как и «ориенталоидных» элементов (Т.16). Точкой опоры для него остается арийская нордическая раса как «активная раса» (Т.12) или «солнечная раса» (Т.1), воздействие которой как «движущей и господствующей силы» (стр. 36) он видит в республиканском Риме. Раннее изображение Будды (Т.8) он приводит как доказательство всеохватывающего воздействия этой духовной расы в Индогерманском мире. Упомянутые в «Благородном духе» понятия, а именно «теллурический» или «титанический», «прометейский» (ссылаясь на титана Прометея) должны пониматься в первую очередь именно как обусловленные расой духовные состояния, с учетом кратко описанной здесь подоплеки. Слово «теллурический» (от латинского *tellus*: Земля, изначально происходит от Теллус, древнеримской богини посевных полей. Для Эволы: направленный на получение урожая, прибыли, матриархальный) он использует для обозначения активной духовной позиции, которая ориентирована на «самоцель» (Т.14) и не обладает «более высокой точкой опоры» (там же), потому ее нельзя обозначать как арийско-римскую. Так же и прилагательные «титанический» и «прометейский», которые описывают активную духовную позицию, которая стремится к власти, не опираясь на высшую идею.]

Дискобол. Человек и мраморная статуя.

(Опубликовано в: *Новое обозрение*, в 1942 году)

Послесловие:

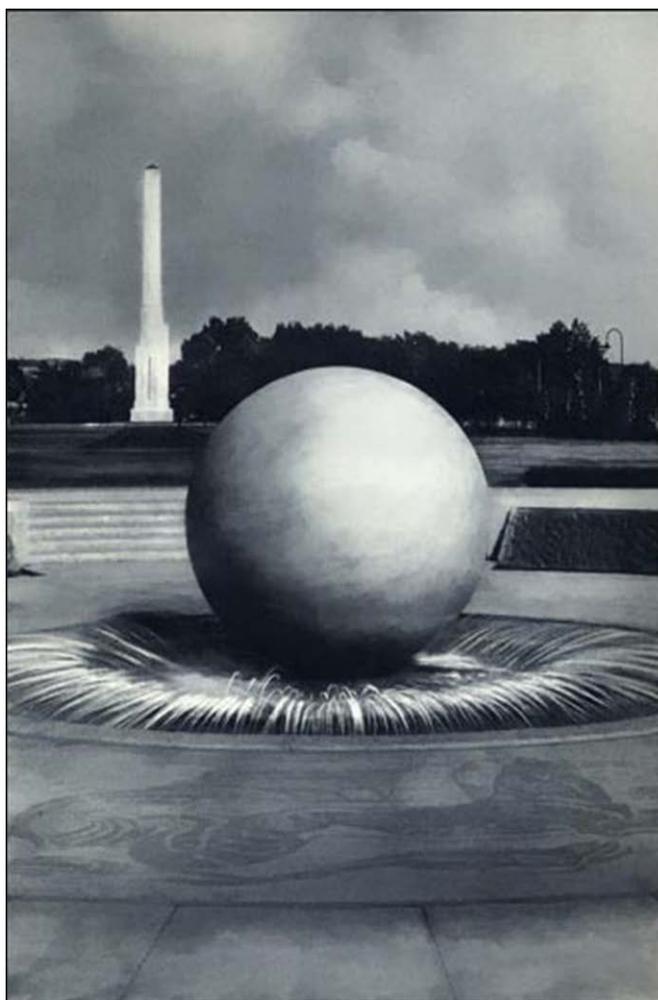
Введенный Эволой термин «Благородный дух» нельзя приравнять к историко-политическим претензиям на господство и к образу жизни дворянства как господствующего слоя (аристократии) в европейской истории – это, самое большее, лишь формы его выражения, которые подвержены упадку и вырождению. Речь у Эволы идет о том, чтобы рассмотреть основную духовную позицию или присущую ему внутреннюю сущность («эссенцию»), которая вопреки многим разломам сохранилась в остатках до падения аристократии или до начала политического конца аристократического века (Французская революция 1789 года), от ее происхождения и как духовную основу. Можно было бы также объяснить понятие «Благородный дух» в общих чертах как «благородный» по складу характера или как «элитарно-героический» или «обязующийся к высшим идеалам». Эвола здесь особенно резко выступает против пропагандируемого в декадентский период модерна понимания «элиты», которым обозначали правящую и культурно бесплодную правящую клику, достигшую своего положения лишь

благодаря денежному богатству и заученному, напускному образованию (функциональные знания или знания об управлении, не связанные с высшими идеалами). «Антиматериалистическая» и «антиинтеллектуалистическая» в чистой позиции, и к этому еще и жизнь по принципу «Лучшее слово – это дело» – таковы для Эвола характерные добродетели настоящей элиты, проникнутой Благородным духом.

Благородный дух – это вместе с тем духовное основание, на котором должны основываться традиционные организационные формы мужских союзов. Здесь Эвола в качестве исторического примера приводит рыцарский орден, который получил центральное положение в европейском средневековье. Эвола в своих рассуждениях анализирует рыцарство и рыцарский орден с пронизывающей остротой: «Рыцарство провозглашает как идеал больше героя, чем святого, больше победителя, чем мученика; оно признает как критерий оценки верность и честь больше, чем милосердие [**любовь к ближнему**] и любовь ... в своих рядах оно не терпит того, кто хотел бы буквально следовать христианской заповеди «не убий». Оно признает как основной принцип не любовь к врагу, а борьбу с ним, и великодушные только в победе. Так рыцарство в мире, который только по имени был христианским, утверждало почти несмягченную героическую и арийскую этику» [**Юлиуса Эвола: Ад христианского средневековья. Европейское обозрение, июль / сентябрь 1933 года, в: Юлиус Эвола: Традиция и господство. Статьи 1932-1952. Ашау, 2003. стр. 37.**]. На этот анализ похожа и интерпретация немецкого философа Петера Слотердайка, который констатирует «невыносимость противоречия между христианской заповедью любви и феодальной этикой воина», и делает дальнейший вывод: «В Священной войне из нежизнеспособного противостояния религии любви и героической этики появился жизнеспособный призыв: Этого хочет Бог» [**Петер Слотердаик: Критика циничного разума. Франкфурт-на-Майне, 1983. стр. 436 и дальше**].

Как уже прочитано: Опорная точка в эволианском мышлении – это индоарийская культура Индии, которая говорит через свои священные тексты. Но часто неправильно понимаемое сегодня понятие «арий», «ариец» должно быть понято в его изначальном значении и четко разделено с его более поздним политизированным содержанием. Сначала это слово представляло собой название народа Агуа́ (Арья, как прилагательное «арийский»). Так обозначали поэты гимнов богам Риг-веды (на санскрите «Веда гимнов», составлены приблизительно в 1200 году до н.э.) их богов и самих себя. Однако существует и стоящая выше интерпретация, так как «арийский» в Риг-веде означает, кроме того, «справедливый, честный, достойный, благородный», а существительное «арий» («ариец»), сле-

довательно – «благородный, повелитель». И так, это в первую очередь культурное, а также лингвистическое понятие, однако, нельзя не учитывать, что уже тогда это понятие использовалось также для отделения от подчиненного коренного населения. Позже этот термин был введен в политическую сферу, и его значение было заметно сужено в политическом и культурном отношении («североевропейский» или «нордический»), причем со временем тут дошло до искажения и произвольности применения или до злоупотреблений в Третьем Рейхе [Ср. Инго Ляйтер: **Индуизм как выражение арийского духа**, в: Хагаль. **Исследования в традиции, метафизике и культуре 2 (2005) стр. 30 и дальше**].

Fontana della palla (Фонтан «Пушечное ядро»), Рим.

Воззрения Макиавелли – это для Эволы выражение титанической идеи: захват власти и удержание власти с помощью определенных приемов, «техники вла-

сти», не связанные с высшей идеей. Сегодня тоже массово говорят о «макиавеллистической» политике, когда хотят сказать о бессовестной политике без идеалов или ценностей. Это несколько несправедливо и не учитывает, что Макиавелли, который не являлся дворянином, а всю свою жизнь был, собственно, государственным чиновником, написал очень удачное, ясное и пронизательное исследование, которое посвящено также и военному делу. То, что Эвола критикует в его произведении, это банальные соображения получения пользы, которым, согласно Макиавелли, должен следовать правитель. Как раз этому принципу непримиримо противостоит тот Благородный дух как основной духовный принцип. Справедливо заметить: речь здесь идет о двух духовных принципах, которые должны были определять действия правителя. Если с исторической точки зрения рассматривать именно ту эпоху, в которой жил Макиавелли (эпоху Возрождения), то и в ней наряду с действиями согласно принципам Макиавелли можно также найти примеры влияния Благородного духа. Как исторический пример я хотел бы привести императора Максимилиана I (1459-1519), который очень четко ориентировал свое правление и исполнение власти на имперскую идею узаконенной самим Богом империи и не отказывался поэтому – вопреки многим политическим соображениям – от этой идеи, хотя она часто мешала политике расширения владений династии Габсбургов. Идея императора как *semper augustus* (вечный покровитель империи) была для Максимилиана, наверное, весьма значительной мотивацией, и здесь можно наблюдать влияние кратко описанного Эволой Благородного духа. На это влияние указывает также тот факт, что Максимилиан, который через брак вошел в бургундскую династию, и на него очень сильно повлияла весьма плодотворная в культурном отношении бургундская феодальная культура, был увлеченным покровителем и участником позднесредневековых рыцарских турниров, и уже рано его называли «последним рыцарем». Максимилиан также подхватил и трансформировал орденскую идею. Даже рыцари бургундского Ордена Золотого руна [**ср. примечание к слову «орден»**] представлялись императору Максимилиану, рано осознавшему значение ландскнехтов и их воинских формирований в сражениях позднего средневековья, как «орден ландскнехтов». Этот орден должен был освободить ландскнехтов от их пребывания в статусе наемников и с помощью основного идейного принципа и орденской структуры под руководством Максимилиана связать их с имперской идеей [**Ср. Гюнтер Франц: О происхождении и обычаях ландскнехтов, в: MIOG 41 (1953). стр. 79-98**]. Но с другой стороны Максимилиан был также беззастенчивым властным политиком, действующим с позиций силы, который был готов подвергать достигнутое им большому риску и охотно менял союзы, если это оказывалось политически выгодным. В этом смысле можно объяснить также политику бракосочетания габсбургского импе-

ратора, которая увеличивала власть и богатство дома Габсбургов, однако, в конечном счете, оказала на империю в определенном смысле отрицательное воздействие (макиавеллистическая позиция).

© Публикация и редактирование текста, послесловие, краткая биография, Зиглинг (июль 2006 года). Специально для Немецкой рубрики Велесовой Слободы. Перевод с немецкого: 2012 год.

Филиппо Сгарлата: Плуг под защитой меча
(XXI Биеннале современного искусства, Венеция, 1938 год).

[Велесова Слобода, 2012 г.](#)